

**ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РАБОЧИХ В ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
НАМЕРЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

© 2018 С.Н. Фоломеев

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 20.03.2018

В статье показан один из факторов формирования социального законодательства рабочих в Германии во второй половине XIX века: стремление монархической власти использовать борьбу рабочего класса против буржуазной эксплуатации в своих политических целях, разорвать временный союз пролетариата с партией прогрессистов, ослабить последних, привлечь рабочих на сторону правительства и монарха и уничтожить впоследствии социал-демократическую партию Германии. *Ключевые слова:* власть, социальное законодательство, всеобщее избирательное право, Германия 2 пол. XIX века, Ф. Лассаль, Бисмарк.

Проблема уничтожения буржуазной частной собственности была поставлена К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» – главном катехизисе марксизма, которая, по мнению классиков, должна быть решена в результате безоговорочного перехода власти и собственности в руки рабочих. Они объясняли это следующим образом: целью капиталистов является эксплуатация рабочих, капиталистическое государство стоит на страже интересов предпринимателей, и существующее право лишь обеспечивает эту эксплуатацию¹. В последующем эти вопросы поднимались в Уставе Всеобщего Германского Рабочего Союза (Лейпциг, май 1863 г.), Хемницкой программе демократической партии (Хемниц, 19 августа 1866 г.), Нюрнбергской программе пятого съезда немецких рабочих ферейнов (Нюрнберг, сентябрь 1868 г.), Эйзенахской программе социал-демократической рабочей партии (Эйзенах, август 1869 г.), Готской программе социалистической рабочей партии Германии (Гота, май 1875 г.), Эрфуртской программе социал-демократической партии Германии (Эрфурт, октябрь 1891 г.)². Попытки пролетариата в Германии, начиная с середины XIX века, путем стачек решать вопросы продолжительности рабочего дня, санитарных условий труда, найма и увольнения, браковки товара, создания больничных касс, выплат предпринимателями ущерба, нанесенного здоровью рабочих, и т.д. часто заканчивались неудачей. Однако к концу XIX века в имперской Германии, в стране с одним из самых консервативных политических режимов, пролетариат получил самое передовое социальное законодательство для рабочих в Европе. Выяснению не-

ординарных обстоятельств, способствовавших его появлению, и посвящена данная статья.

Идеи борьбы немецкого рабочего класса с буржуазией за лучшие условия продажи рабочей силы принадлежали еще одному из вожakov немецкого рабочего движения Ф. Лассалю, роль которого в истории борьбы германского пролетариата в советское время по идеологическим причинам всячески принижалась. По его мнению, эксплуатации со стороны предпринимателей способствовал существовавший в обществе «железный закон заработной платы», согласно которому рабочим «всегда достается лишь, безусловно, необходимое для существования..., требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения», в то время как «предпринимателям всегда все, что труд производит сверх этого»³. Выход из создавшегося положения Ф. Лассаль видел в следующем: «Сделайте рабочее сословие своим собственным предпринимателем – вот единственное ... средство устранить железный и жестокий закон, определяющий рабочую плату! ... Если бы рабочее сословие сделалось своим собственником-предпринимателем, тогда уничтожилось бы различие между рабочей платой и барышом предпринимателя. Их вознаграждением труда стал бы продукт труда! ... Вот единственно истинное, единственно немечтательное, единственно соответствующее справедливому притязаниям рабочего сословия средство улучшения его положения»⁴.

Для реализации этой идеи «государство ... обязано положить себе в священнойшую обязанность дать Вам (рабочим. – С.Ф.) средства и способы для Вашей самоорганизации и самопомощи, ... помочь капиталом, т.е. нужным кредитом... В том-то и состоит задача и назначение государства... В этом его призвание. Для этого оно и существует; на это оно всегда служило и

Фоломеев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и политологии. E-mail: cissime@yandex.ru

должно служить»⁵. Однако на практике все обстояло иначе. «Вмешательство государства происходило в интересах богатых классов... Но как скоро речь заходит о вмешательстве в пользу нуждающихся классов, в пользу бесконечного большинства – оно оказывается социализмом и коммунизмом! ... Государство принадлежит Вам, господа, нуждающимся классам, а не нам, высшим сословиям, потому что из Вас оно и состоит! ... Государство – это Вы, великая ассоциация беднейших классов!»⁶.

Рабочие ассоциации без вмешательства государства, по мнению Ф. Лассалья, окажутся несостоятельными. «Какая же польза всему рабочему сословию вообще, работнику, как человеку, из того, что ему придется работать не на предпринимателя-буржуа, а на предпринимателя-работника? Никакой! Вся разница будет в том, что предприниматели, которым достается продукт вашего труда, раздробятся. Но ни труд, ни рабочее сословие не освободятся! Что же получит рабочее сословие от подобных ассоциаций? Лишь одно развращение, оподление, которые начинают одолевать его, обращая работника против работника, в хищного предпринимателя! Личности предпринимателей переменялись, но сущность осталась та же...»⁷. «Помощь и поощрение, которыми государство дало бы меньшим ассоциациям возможность существовать, были бы не что иное, как совершенно законная и естественная общественная самопомощь рабочих классов, как великой ассоциации, самим себе и своим членам, как отдельным личностям... Но как склонить государство к этому вмешательству? И на этот вопрос тотчас представляется, ясный как солнце, ответ: это возможно только при общем и прямом избирательном праве. Тогда только склоните Вы государство выполнить свой долг, когда все законодательные собрания Германии будут основаны на общем и прямом избирательном праве... Тогда можно будет рассуждать на основании разума и науки о пределах, формах и средствах этого вмешательства»⁸. «Если защитники Вашего дела» в законодательных собраниях «долго останутся в меньшинстве, Вам, неимущим классам общества, придется пенять уже только на себя и на свой дурной выбор»⁹. «Путь к всеобщему избирательному праву» проходит «через агитацию среди городского и сельского населения, через издание газет и брошюр, которые будут финансировать через взносы сами работники». Когда же «89-96 процентов населения (различные слои неимущих. – С.Ф.) поймут, что общее избирательное право есть вопрос желудка, и потому примутся за него с страстностью голода – будьте уверены, господа, что нет такой силы, которая долго устояла бы против них!»¹⁰.

Эти наброски Ф. Лассалья достаточно противоречивы и отражали особенности развития немецкого рабочего движения. Утопичность

их состояла в том, что Ф. Лассаль в то время верил в вероятность подчинения буржуазной государственной машины экономическим и политическим интересам рабочего класса. На определенную реалистичность его воззрений указывало то, что последующая практика немецкого рабочего движения показала некоторую возможность использования рейхстага и законодательных собраний отдельных земель для защиты интересов рабочего класса, не прибегая к насильственным формам борьбы. В конце своей жизни это был вынужден признать и Ф. Энгельс: «История... совершенно изменила те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 году, теперь во всех отношениях устарел... Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспели с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота»¹¹. Это было вызвано наметившейся тенденцией уменьшения степени политического господства буржуазии. По мнению Ф. Энгельса, в развитии буржуазии наступил «поворотный пункт», после которого «она теряет способность к исключительному политическому господству; ... ищет себе союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им целиком»¹². Эти мысли Ф. Энгельса в значительной степени совпадали с приведенными более ранними высказываниями Ф. Лассалья.

С экономическими воззрениями Ф. Лассалья о возможности с помощью рабочих производственных ассоциаций уменьшить степень эксплуатации трудящихся масс в определенной степени был согласен и К. Маркс, который делал отсюда далеко идущие радикальные выводы. Появление предприятий ассоциированных индивидов К. Маркс расценивал как «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства... Это – результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность»¹³. В середине XIX века в Германии зародились и стали играть заметную роль райффейзеновские крестьянские кредитные кооперативы (Ф. Райффейзен – идеолог и практик сельскохозяйственной кредитной кооперации в Германии. – С.Ф.), ссудо-сберегательные товарищества и народные банки, созданные теоретиком и организатором городского кооперативного движения Ф. Шульце-Деличем¹⁴. Однако их деятельность расценивалась марксистами как оппортунистическая.

Как совершенно справедливо отмечал В.Д. Зотов, «в господствовавшем в СССР марксизме мысль о возможности появления каких-либо форм общественной собственности в рамках капиталистического способа производства решительно отвергалась»¹⁵. Не менее кощунственной с точки зрения ортодоксальных марксистов была мысль об определенном совпадении по ряду вопросов воззрений классиков марксизма и Ф. Лассалья.

Призывая к урегулированию отношений между предпринимателями и рабочими при экономической помощи государства, Ф. Лассаль имел в виду прежде всего создание множества частных свободных ассоциаций, связанных между собой «союзами кредита и взаимопомощи». Он подчеркивал, что «ничего не говорил об одной большой организации, которую, конечно, можно бы рассматривать, как государственное предприятие... Я имел в виду особые, независимые друг от друга общества, а не одну охватывающую все государство ассоциацию»¹⁶. Однако позже Готская программа немецкой социал-демократии, воспроизводившая многие теоретические положения Ф. Лассалья, четко и недвусмысленно указывала на необходимость социалистической организации труда во всем обществе. В качестве подготовительной меры «к разрешению социального вопроса, социалистическая партия Германии требует устройства социалистических производительных товариществ при содействии государства и под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества должны быть призваны к жизни в промышленности и земледелии, в достаточно крупных размерах, чтобы из них выросла социалистическая организация всего труда»¹⁷.

Если эта задача не будет решена, тогда, по мнению Ф. Лассалья, «нам предстояло бы очутиться через несколько десятков лет в разгаре пролетарской революции и самим пережить ужасы июльских дней! (революции 1848 г. – С.Ф.). Но мы не допустим этого; этому не бывать! Но потому-то и нужно вовремя открыть клапан, чтобы предупредить взрыв»¹⁸. Эти опасения Ф. Лассалья в полной мере разделял и канцлер Германии князь Отто фон Шенхаузен (Бисмарк), на которого оказали большое влияние теоретики школы «государственного социализма» А. Вагнер и А.Э. Шеффле. В частности, А. Вагнер в своей работе «Grundlegung der politischen Oekonomie» считал, что современное народное хозяйство базируется на трех различных принципах – частнохозяйственном, общественно-хозяйственном (добровольном и принудительном) и каритативном (благотворительная система). По его мнению, особое значение имело принудительное общественное хозяйство (или государственное), которое, не

руководствуясь принципом получения наибольшей прибыли, как частнохозяйственное, ставит задачи содействия благосостоянию населения через развитие производительных сил нации. А. Вагнер считал необходимым и неизбежным рост системы общественно-принудительных хозяйств за счет частных хозяйств, не допуская в то же время полного уничтожения собственности на землю и средства производства, находя институт частной собственности полезным для развития общества. Каритативная же система призвана была восполнить недостаточность частнохозяйственной и государственной систем и была нацелена на борьбу с бедностью и нищетой¹⁹.

В наследство от своих политических предшественников Бисмарк получил набиравшее силу либеральное движение, выступившее с 1858 г. с либерально-демократическими позициями против реакционного курса правительства, и сформировавшееся рабочее движение. С момента возникновения «Национального Союза», а затем и прогрессистской партии (1861 г.), немецкая либеральная буржуазия начала усиленную агитацию среди рабочих в пользу обществ самообразования, которые уделяли большое внимание вопросам либерально-демократической политики. Немецкие либералы, в условиях неразвитости рабочего движения и отсутствия резких классовых противоречий, делали все, чтобы привлечь на свою сторону рабочие массы и сделать пролетариат своим союзником в борьбе против реакции, преследуя при этом собственные экономические и политические интересы. И это им в значительной степени удалось. Лишь к концу 60-х гг. XIX в., отражая интересы растущего и набиравшего силу рабочего движения, наиболее радикальные представители рабочих кружков самообразования предъявили к руководству прогрессистской партии два требования, которые выдвигались в качестве основы дальнейшего сотрудничества: 1) совместные действия в защиту всеобщего избирательного права, введенного 8 апреля 1848 г. и отмененного 30 мая 1849 г.; 2) изменение системы членских взносов, дававших возможность доступа рабочим в «Национальный Союз». Оба эти требования преследовали цель более активного участия рабочих в политике. Но руководство прогрессистской партии их отклонило. Как отмечал впоследствии Э. Бернштейн, прогрессисты «оттолкнули от себя рабочих гораздо ранее, чем возникла серьезная противоположность интересов, которая могла бы послужить к тому поводом»²⁰. В результате в 1862 г. в Лейпциге Россмеслером, Фрицше и Фальтейхом было основано самостоятельное рабочее общество, враждебно настроенное по отношению к прогрессистам, а с 23 мая 1863 г. – «Всеобщий Германский Рабочий Союз», во главе которого встал Ф. Лассаль. Через три месяца (в конце августа 1863 г.) в рядах «Союза» было

около 900 членов, а через год, в момент смерти Ф. Лассалья, «Союз» имел отделения в 25 городах и насчитывал всего 4.610 человек, представлявших прежде всего наиболее развитые в промышленном отношении части Германии – Рейн и Саксонию, и такие города, как Гамбург, Кельн, Лейпциг, Дрезден, Золинген, Майнц, Берлин и т.д. Как отмечал исследователь рабочего движения на Западе, один из руководителей «экономизма» в России С.Н. Прокопович, «неуспех социалистической агитации Лассалья обусловлен был тогдашней неразвитостью экономических отношений в Германии. Агитация его была рассчитана на рабочих крупной промышленности, развитой тогда крайне слабо»²¹. В силу этого не могло быть и речи о самостоятельной рабочей политике. Как подчеркнул С.Н. Прокопович, «рабочая партия принуждена была, – если она не хотела ограничиваться одной только пропагандой социалистических идей, – занять место в хвосте или либеральной или консервативной партии. Неустанная борьба с прогрессистами с одной стороны, стремление к ускорению избирательной реформы – с другой, определили союзника «Всеобщего Рабочего Союза»²².

Положение правительства было отчаянным. Ему необходимо было освободиться от прогрессистской оппозиции, имевшей благодаря 3-классной консервативной избирательной системе подавляющее большинство в прусском ландтаге. Единственным средством было демократическое изменение избирательного законодательства. Правительство рассчитывало, что тем самым внесет раскол в объединенные силы рабочих и прогрессистов и ослабит оппозицию. Э. Бернштейн писал, что «Открытое письмо» Ф. Лассалья, в котором он призывал к созданию самостоятельной рабочей партии, фактически отчасти служило делу реакции²³. Либеральная оппозиция была столь сильна, что еще задолго до агитации Ф. Лассалья из лагеря консерваторов поступали предложения заключить союз с представителями «последовательной демократии» против либералов. После внушительной победы последних на выборах 1862 г. консерваторы высказались в пользу всеобщего равного избирательного права²⁴. В этих условиях правительство рассчитывало реформой избирательной системы существенно ослабить прогрессистов и привлечь на свою сторону рабочих. В 1866 г. Бисмарк в своих письмах отмечал: «Прямые выборы и всеобщее избирательное право я считаю большей порукою за консервативное направление, чем всякое искусственное избирательное право, рассчитывающее на искусственное большинство... Мое убеждение, что искусственная система не прямых и классовых выборов гораздо более опаснее, так как она мешает соприкосновению высшей власти со здоровыми элементами, составляющими ядро и массу на-

рода, – основано на долгом опыте. В стране с монархическими традициями и лояльным образом мыслей всеобщее избирательное право приведет, устраняя влияние либеральных буржуазных классов, к монархическим выборам... В Пруссии девять десятых народа верны королю и лишены возможности высказать свое мнение лишь искусственным механизмом выборов»²⁵. О «сродстве крайних партий» – рабочей и консервативной – говорил в конце своей жизни и Ф. Лассаль²⁶.

Один из вождей германской социал-демократической партии А. Бебель на конгрессе в Кельне в 1893 г. так характеризовал тогдашнее поведение либералов: «Когда в 1862–66 гг. либерализм вел трудную борьбу с Бисмарком, в то время, когда возбуждение было так велико, что многие высокопоставленные лица думали, что около памятника Фридриху Великому будет поставлена гильотина; в то время, когда даже Бисмарк, по его собственному признанию, боялся, что дело дойдет до революции и его ждет участь Стаффорда, – который, как известно, был казнен в 1641 г., как враждебный народу министр Карла I-го английского... На общем собрании Национального Союза в 1863 г., на котором присутствовал также И. Микель (депутат рейхстага, представитель национал-либералов. – С.Ф.), этот последний произнес речь, смысл которой сводился к следующему: господа в Берлине должны быть осторожны и не очень натягивать лук, иначе мы нашьем им на шею рабочих, и тогда их может ждать участь Бурбонов!...»²⁷.

Добившись своей цели – ослабив партию прогрессистов – правительство Бисмарка повело наступление против социал-демократов, не обнаруживших желания сотрудничать с властью. В 1873 г. Бисмарк внес в рейхстаг проект закона, который устанавливал уголовное наказание за нарушение найма, стремясь ликвидировать таким образом свободу стачек. В том же году был внесен проект закона о печати, согласно которому тюремным заключением до 2 лет наказывались выступления в печати против семьи, собственности, всеобщей воинской повинности и других основ государственного порядка, подрывавшие нравственность, любовь к отечеству и т.д. Кроме того, считались преступными действия, разрушавшие основы буржуазного порядка, оправдывавшие их, считавшими их достойными подражания и уважения. Рейхстаг отверг оба законопроекта. Повторная попытка протолкнуть эти законопроекты через рейхстаг, предпринятая в 1874 г., также провалилась. Последовавшие затем полицейские преследования (эра Тессендорфа) только сплотили лассальянцев и эйзенахцев и в конечном итоге привели к созданию единой германской социал-демократической партии в мае 1875 г. на съезде в Готе. Последовавший затем закон против соци-

алистов, на долгие годы запретивший деятельность социал-демократических организаций, не привел к исчезновению партии, изменившей принципы организационной работы. В своей тронной речи в 1880 г. император Вильгельм I вынужден был признать: « Мы хотим подавить социал-демократию, но мы хотим признать ее правильное звено»²⁸. Это указание монарха, совпадавшее со взглядами самого Бисмарка, нашло последующее отражение как в политике правительства, так и в выступлениях имперского канцлера.

Не соглашаясь с излишне прямолинейной позицией некоторых консерваторов, в своей речи на заседании рейхстага 12 июня 1882 г. Бисмарк отметил: «Я хочу еще коснуться упрека в социализме. Социалистичны многие меры, принятые нами для блага страны, и в нашей империи государство должно будет усвоить себе еще несколько больше социализма. Мы должны будем реформами идти навстречу социалистическим требованиям, если только хотим держаться той мудрой политики, которой следовало в Пруссии законодательство Штейна и Гарценберга по отношению к освобождению крестьян. Те законодательные мероприятия, отнимавшие блага у одних и отдававшие их другим, также были социализмом, даже гораздо большим социализмом, чем монополия. Я рад, что этот социализм был осуществлен; благодаря ему мы имеем весьма значительное, свободное крестьянское сословие, и я надеюсь, что мы со временем достигнем подобного же результата и для рабочих, – не знаю только, доживу ли я до этого времени, ввиду того принципиального сопротивления, которое мне оказывается со всех сторон и которое меня так утомляет. Но вы будете вынуждены приписать государству несколько капель социального масла; сколько именно, я не знаю, но законодательство проявило бы, по моему мнению, большое нерадение к своим обязанностям, если бы оно в области рабочего вопроса не стремилось к той реформе, начало которой мы теперь вам предлагаем. Социалистической мерой было восстановление свободы крестьян, социалистична всякая экспроприация в пользу железных дорог...; социалистично все призрение бедных, обязательное посещение школы, проведение дорог, т.е. принудительное проведение дорог, заставляющее меня на моем участке земли заботиться о состоянии дороги для проезжающих. Все это социалистично; я мог бы еще долго продолжать этот список, но если вы думаете кого-нибудь запугать словами «социализм» или вызвать какие-либо призраки, то вы стоите на такой точке зрения, от которой я уже давно отказался, и отказ от которой настоятельно необходим для всего имперского законодательства»²⁹.

В другой своей речи на заседании германского рейхстага 9 мая 1884 г. во время прений

по вопросу о продлении срока действия «Закона против общеопасных стремлений социал-демократии от 21 августа 1878 года» Бисмарк заявил следующее: «Я хочу лишь в кратких словах резюмировать свою мысль: дайте рабочему право на труд, пока он здоров; дайте ему работу, пока он здоров, дайте ему уход, когда он болен, и обеспечение, когда он стар, – если вы все это сделаете и притом не будете бояться жертв и не будете кричать о государственном социализме, как только кто-нибудь произнесет слова «призрение о престарелых», и если государство будет выказывать побольше христианской заботливости по отношению к рабочему, то я уверен, что гг. приверженцы вейденовской программы (социал-демократы. – С.Ф.) тщетно будут дуть в свои приманные дудки, что к ним будет стекаться гораздо меньше народа, как только рабочие увидят, что правительство и законодательные учреждения серьезно о них заботятся»³⁰.

В другом своем выступлении на этом же заседании, полемизируя с депутатом Е. Рихтером, Бисмарк сказал: «Я хочу ответить на важнейший вопрос, которого он коснулся в своей речи. Вопрос этот – право на труд. Да, я, безусловно, признаю право на труд и буду настаивать на нем, пока останусь на этом месте. И я стою при этом не на точке зрения социализма, который будто бы только в министерстве Бисмарка получил свое начало, но на почве прусского земского права... Разве не признано в прусском земском праве право на труд? Разве это не вытекает из всех наших обычных отношений, что человек, который обращается к своим согражданам и говорит: я здоров, хочу работать, но не могу найти работы, – что этот человек вправе сказать: дайте мне работу! и государство обязано дать ему работу?! Предыдущий оратор заметил, что государству пришлось бы вести крупные предприятия. Да, оно это уже делало в трудные времена, как в 1848 г., когда безработица и недостаток в деньгах приняли крупные размеры... Если наступят подобные же тяжелые обстоятельства, то, я думаю, государство и теперь обязано, и задачи государства так обширны, что оно может выполнить эту обязанность – дать работу тем гражданам, которые не могут ее найти. Оно может производить работы, которые в обычное время по финансовым соображениям, может быть, и не были бы исполнены; я имею в виду прорытие больших каналов и тому подобные полезные мероприятия»³¹.

В конце 1880-х годов в Германии произошел резкий рост забастовочного движения. Бисмарк считал, что в этих условиях правительство должно действовать не только репрессивными мерами, но и заботиться о социальном обеспечении трудящихся, выбивая из рук рабочих вожаков сильное пропагандистское оружие. Весной 1889 г. во время 150-тысячной забастовки в Вестфа-

лии кайзер постарался выступить в роли посредника, примиряющего рабочих и предпринимателей. Вильгельм II писал в своих мемуарах: «На основании всех поступивших в течение весны и лета донесений накопился материал, свидетельствующий, что не все в порядке в промышленности. Многие требования рабочих имели свои основания и должны были быть подвергнуты благожелательному рассмотрению как со стороны работодателей, так и со стороны властей... Во мне созрело решение созвать коронный совет и привлечь к участию в совещании работодателей и рабочих для рассмотрения под моим личным руководством рабочего вопроса... Я настаивал на своем предложении, приводя принцип Фридриха Великого: «Я хочу быть королем бедняков». Это мой долг – позаботиться об используемых индустрией детях моей страны, защитить их силы и улучшить условия их существования»³². Бисмарк выступил против каких-либо уступок, однако Вильгельм II потребовал улучшить условия труда, сократить продолжительность рабочего времени и повысить зарплату.

Отказ кайзера продлить в 1890 году «исключительный закон» вовсе не означал его симпатий к социал-демократии. Наоборот, он предлагал принять решительные меры для подавления забастовочного движения. Об этом в 1899 году писал близкий к императору граф Филипп Эйленбург статс-секретарю МИДа князю Бернгарду Бюлову: «Когда телеграф сообщил о рабочих волнениях в Аугсбурге и других местах... телеграмма агентства Вольфа очень взволновала императора. Он чрезвычайно серьезно отнесся к рабочим волнениям и был чрезвычайно доволен. «Это хорошо, – говорил он, – пускай, пускай! Наступит момент, когда нужно будет действовать... Я тогда ни перед чем не остановлюсь, и даже министерство не удержит меня; оно просто полетит, если не пойдет со мной... Германская буржуазия совершенно обанкротилась! Правительство должно действовать, иначе все пойдет прахом!... Нам нужен закон, по которому можно было бы каждого социал-демократа сослать на Каролинские острова»... Было сказано, что есть надежда, что начнутся грабежи, и тогда, но только после того, как разграбят несколько сот буржуазных предприятий, надо будет произвести сильное кровопускание. Я сказал только, что у социал-демократов слишком хорошая организация и вряд ли теперь возможны грабежи в Берлине и в других городах. «Тогда не остается ничего другого, как объявить всеобщее осадное положение», – ответил император»³³.

Впоследствии Вильгельм II так охарактеризовал существовавшие разногласия между ним и Бисмарком по рабочему вопросу: «Бисмарк был слишком великий политик, чтобы не понимать важности рабочего вопроса для государства. Но он смотрел на все это дело исключительно с точ-

ки зрения государственной целесообразности. Государство, по его мнению, должно заботиться о рабочих постольку, поскольку правительство найдет это необходимым. Об участии самих рабочих в деле социального законодательства почти не было речи... Попечение – с одной стороны, железный кулак – с другой, – вот в чем состояла социальная политика Бисмарка. Я же хотел завоевать душу немецкого рабочего... Я был преисполнен ясным сознанием своего долга перед моим народом, а следовательно, и перед трудящимися классами. Рабочие должны были получить то, что им следовало по закону и справедливости; при этом там, где кончалось желание и возможности работодателей, раз это было необходимо, рабочие должны были получить помощь со стороны государства... Я отчетливо понимал, что при безграничных требованиях социалистических вождей беспочвенные ожидания будут все больше и больше разгораться. Но именно для того, чтобы можно было убедительно и с чистой совестью выступить против неосновательных домогательств, нельзя было отказывать в признании законных требований и содействии им»³⁴.

Эти пространные цитаты из речей Бисмарка и мемуаров Вильгельма II дают представление об обширных планах кайзера и серьезных намерениях тогдашнего канцлера Германии перехватить инициативу у лидеров немецкого рабочего движения в решении многих насущных социально-экономических вопросов с последующим запрещением и вытеснением социал-демократии с политической арены страны.

Ориентация на социальное законодательство в политической практике Германии возникла еще в 1869 г., когда было принято прусское фабрично-заводское законодательство, а 17 ноября 1881 г. кайзеровским посланием была обнародована большая программа социального обеспечения. В 1883 г. были созданы больничные кассы; в 1884 г. – страхование по несчастным случаям, при Фридрихе III и Вильгельме II последовали законы о пенсионном обеспечении. По мнению О.Ю. Пленкова, «объем бисмарковского социального законодательства являлся беспрецедентным; столь значительные социальные обязанности не брало на себя ни одно государство Европы. В результате Бисмарк во многом достиг того, что германское государство, несмотря на социал-демократическую пропаганду, пользовалось почти религиозным почитанием»³⁵.

Подобная оценка социальной политики Бисмарка современным исследователем О.Ю. Пленковым нуждается в дополнении и корректировке со стороны одного из лидеров ревизионистского крыла немецкой социал-демократии конца XIX века Георга фон Фольмара. Последний более взвешенно оценил «вклад» Бисмарка в со-

циальное законодательство Германии и объяснил истинные причины подобной «социальной заботы» правительства о рабочих. «Противники социал-демократии утверждают, что в области социальных реформ Германия идет впереди всех стран. Но это неверно. Верно лишь то, что германская система страхования рабочих, хотя и имеет крупные недостатки, бесспорно лучше таких же систем в других странах, так что последние в этом отношении могли бы у нее кое-чему поучиться. Закон о страховании дан был князем Бисмарком не столько из желания удовлетворить настоятельные требования рабочих, сколько из решительного намерения серьезно «заняться» социал-демократией, которая в то время находилась под действием исключительных законов; он хотел с ней серьезно сразиться или стереть ее с лица земли, или обратить ее в кучку безопасных мечтателей. Канцлер думал, что если он обратит миллионы рабочих в мелких рантьееров, ему тем самым удастся обратить их из противников существующего общественного и государственного строя в его защитников. Он думал сделать рабочих чуждыми как жизни, так и стремлениям их класса»³⁶. Г. Фольмар считал, что «преследуемые правительством при издании закона о страховании рабочих политические цели не были достигнуты. Немецкий рабочий класс не дал себя покорить и приручить этой подачкой». Закон о страховании рабочих Г. Фольмар считал очередной уловкой правительства, «громкими словами», в то время как «если бы новый охранительный тариф вошел в силу в проектируемом виде, у немецкого рабочего класса было бы отнято больше, чем ему дал после многолетней борьбы закон о страховании»³⁷. По мнению Г. Фольмара, «как ни важен вопрос об обеспечении рабочих на случай болезни, несчастия, старости, инвалидности, а также на время безработицы и затем обеспечения оставшейся после смерти рабочего семьи – эти важные задачи все-таки далеко не составляют главного содержания социальной политики. Сущность надлежащей социальной реформы должна скорее заключаться в том, чтобы рабочий класс приобрел все большее влияние на условия заработной платы и на способ производства»³⁸. Будучи достаточно объективен при характеристике положения рабочего класса Германии и истинных намерений правительства страны в области социального законодательства, Г. Фольмар, предаваясь несбыточным иллюзиям, мечтал о том, чтобы «правительство и господствующие классы не оказывали никакого неразумного сопротивления стремлениям рабочего класса к освобождению; наоборот, нужно чтобы оно дало возможность беспрепятственно организоваться и развиваться его собственным силам. Свободная, законом гарантированная организация, которая даст рабочему классу могущественное

положение, и законная действительная охрана рабочего класса – вот что необходимо, прежде всего»³⁹.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что действительными причинами, побудившими германское правительство взять курс на разработку социального законодательства для рабочих, были опасения власти повторения событий 1848 г., быстрый рост численности рабочего класса, появление рабочих организаций и включение их в политическую борьбу совместно с буржуазией за демократические требования, стремление власти «расколоть» непрочный союз пролетариата и буржуазии против дворянства, ограничить влияние прогрессивной части буржуазии на политическую жизнь в стране, привлечь на сторону власти несознательные слои рабочих социальными «подачками», изолировать пролетариат от набиравшей силу социал-демократической партии. Изменив свою тактику, германская социал-демократия не только выжила в период действия «исключительного закона» против социалистов, но и расширила свои ряды и влияние в обществе, получив более 3-х миллионов голосов при выборах в рейхстаг в начале XX века. Рухнула политика «кнута и пряника» канцлера Бисмарка оставив после себя самое передовое для того времени социальное законодательство для рабочих. Германская социал-демократия не дала приручить себя власти. Реализовать планы Бисмарка и правительства в среднесрочной перспективе не удалось, однако в последующем это создало определенные предпосылки для постепенного перерождения значительной части германской социал-демократии в партию социальных реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2 изд. Т.4. С.419-459.
- ² Меринг Ф. История германской социал-демократии. Т.4. До выборов 1903 года. Пер. со 2-го нем. изд. М.Е. Ландау. М.: ГИЗ, 1921. С.383-391.
- ³ Лассаль Ф. Гласный ответ Центральному Комитету, учрежденному для созвания общего германского конгресса в Лейпциге. М.: Книгоизд-во Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905. С.20, 23.
- ⁴ Там же. С.29.
- ⁵ Там же. С.30-31.
- ⁶ Там же. С.33,37.
- ⁷ Там же. С.40.
- ⁸ Там же. С.43-44.
- ⁹ Там же. С.44.
- ¹⁰ Там же. С.45-46.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Введение к «Классовой борьбе во Франции» // Соч. 2 изд. Т.22. С.533, 546.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» // Соч. 2 изд. Т.16. С.416.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. III. Кн. III. // Соч. 2 изд. Т.25. Ч.1. С.479, 480.

- ¹⁴ См. подробнее. *Погорлецкий А.И.* Экономика и экономическая политика Германии в XX веке. Научное издание. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. С.41-45.
- ¹⁵ *Зотов В.Д.* От какого марксизма мы отказываемся? // Социально-гуманитарные знания. 2001. №1. С.252.
- ¹⁶ *Лассаль Ф.* К рабочему вопросу // Избр. соч. М.: Гос. изд-во, 1920. С.98-99.
- ¹⁷ *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. Т.IV. Пер. со 2-го нем. изд. М.Е. Ландау. М.: ГИЗ, 1921. С.357.
- ¹⁸ *Лассаль Ф.* Книга для чтения рабочих // Сочинения Фердинанда Лассаля. Т.2. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1908. С.148.
- ¹⁹ См.: *Туган-Барановский М.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 2 изд. СПб.: Ред. журнала «Мир божий», 1905. С.163-165.
- ²⁰ Цит. по: *Lassales Reden und Schriften.* 1893. I Band. S.15.
- ²¹ *Прокопович С.Н.* Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования Т.1. СПб., 1899. С.119.
- ²² Там же. С.120.
- ²³ *Lassales Reden und Schriften.* 1893. 2 Band. S.406.
- ²⁴ *Прокопович С.Н.* Указ. соч. С. 118.
- ²⁵ Цит. по: *Bebel A.* Die Socialdemokratie und das Allgemeine Stimmrecht. Berlin, 1895. S.44-45.
- ²⁶ *Lassal F.* Werke. II Band. S.110.
- ²⁷ *Parteitag zu Koln.* 1893. S.262.
- ²⁸ Цит. по: *Бebel А.* О Бернштейне. Речь, произнесенная на Ганноверском партийном съезде 10 октября 1899 г. 2 изд. Пер. с нем. Одесса: Кн-во «Буревестник», 1905. С.55.
- ²⁹ Цит. по: *Шмеле И.* Социал-демократические профессиональные союзы в Германии со времени издания закона против социалистов. Пер. с нем. под ред. С.Н. Прокоповича. СПб.: Издание Е.Д. Кусковой, 1904. С.290-291.
- ³⁰ *Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. Session 1884.* I Band. S.481; Цит. по: *Менгер А.* Право на полный продукт труда. Пер. с 3 испр. изд. В. Гефдинг. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1906. С.16.
- ³¹ Там же. С.16.
- ³² *Соколов Б.* Германская империя: от Бисмарка до Гитлера. М.: Изд-во Эксмо, 2003, С.62-63.
- ³³ Там же. С.64.
- ³⁴ Там же. С.66.
- ³⁵ *Пленков О.Ю.* Мифы партии против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института (РХГИ), 1997. С.126, 127.
- ³⁶ *Фольмар Г.* Внутренняя политика Германии и социал-демократия. Пер. А. Горюхи. СПб.: Типо-литография Д.А. Алексеева, 1906. С.8.
- ³⁷ Там же. С.8, 9.
- ³⁸ Там же. С.9.
- ³⁹ Там же. С.9.

**POWER AND SOCIAL LEGISLATION FOR WORKERS
IN GERMANY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY:
INTENTIONS AND RESULTS**

© 2018 S.N. Folomeev

Samara State University of Economics

The article is devoted to one of the factors of shaping the social legislation for workers in Germany in the second half of the 19th century: the desire of monarchical power to use the working-class struggle against bourgeois exploitation for its own political purposes, to break the temporary alliance between the proletariat and the Progressist party, to weaken the latter, to attract workers to the side of government and the monarch, and to destroy subsequently the Social-Democratic Party of Germany.

Keywords: power, social legislation, universal suffrage, Germany in the second half of the 19th century, F. Lassalle, Bismarck.